

И онъ подтягивался... И оправлялся по временамъ. И тогда ходилъ по дому, саду, по балкону, говорилъ, шутилъ, балагурилъ. Старину вспоминалъ, подчасъ декламировалъ.

Въ такія минуты,—минуты бодрости и оживленія,—онъ любилъ писать къ себѣ, въ Москву, утѣшительныя письма.

Не хотѣлъ огорчать онъ людей. Не любилъ беспокоить собой никого. Любилъ писать только пріятное.

— Ничего, ничего,—пишетъ онъ,—я чувствую себя совсѣмъ прилично. Чего жъ больше: читаю вслухъ. Да что читаю: пьесы Гоголя! И при томъ цѣликомъ! И ничего себѣ, особенной усталости не чувствую.

Преувеличивалъ, черезъ чуръ преувеличивалъ силы свои въ тѣ минуты больной Щепкинъ.

Разъ онъ, вотъ этакъ, читалъ вслухъ своимъ хозяевамъ комедію Гоголя. Сидѣлъ на террасѣ. Вечеромъ. Было сыро. Онъ простудился. Схватилъ сильный кашель. Усилилась и одышка, а она и безъ того черезъ-чуръ ужъ часто не давала ему покоя...

Болѣзнь принимаетъ опасный оборотъ. Печальная развязка приближается.

Черезъ нѣсколько дней безнадежно больного старца перевозятъ, какъ онъ и самъ того пожелалъ, изъ квартиры мнимыхъ „друзей“ въ гостиницу.

Настало роковое 11 августа 1863 г.

Никого близкихъ—около умирающаго!.. Каково было это ему, привыкшему къ большому обществу, къ толпѣ друзей, къ ласкѣ родныхъ!.. Даже нѣтъ, съ кѣмъ проститься.